

ОНТОЛОГИЯ: БЫТИЕ И НЕБЫТИЕ

В.Я. Яковлев

МЕТАФИЗИКА БЫТИЯ ПРИРОДЫ И ЧЕЛОВЕКА

Аннотация. В работе кратко рассматривается предыстория проблемы метафизики бытия природы и человека. Анализируется её современное состояние в общепhilosophическом, религиозном и естественно-научном направлениях. Обосновывается определение метафизики как ядра духовной теоретической деятельности — совокупности креативов-эйдосов, являющихся основой исследовательских программ науки. Выделяются семь бинарно-взаимодополнительных метафизических программ Античности, определившие в дальнейшем основные направления научной деятельности.

Ключевые слова: философия, метафизика, бытие, креативы, принципы, христианство, оппозиции, бинарность, инновации, программы.

*«Метафизика — попытка постичь мир
как целое с помощью мысли».*

Б. Рассел

*«Человек — всего лишь тростинка
самая слабая в природе, но это —
тростинка мыслящая».*

Б. Паскаль

Смысл и содержание понятия «метафизика» изменялись в ходе развития философии. Книги, которые остались после Аристотеля и, можно сказать, чудом сохранились, носили довольно разнородный характер. Андроник Родосский, систематизатор и издатель рукописей Аристотеля, живший на два века позже самого Стагирита, при их издании, вероятно, руководствовался простым принципом — те книги, которые озаглавил сам автор, вышли под названием «Физика», а всем остальным был придан общий термин «Метафизика», т.е. «то, что идет после физики».

Однако в дальнейшем, как и всякий неологизм, «метафизика» стала интерпретироваться в разных смыслах. Один смысл — это нечто вторичное по отношению к физике (поскольку «мета» — «после»). Например, А.Н. Чанышев пишет: «Ирония истории философии состояла в том, что идущее перед физикой у самого Аристотеля было названо

метафизикой, т.е. идущим после физики»¹. Вторым смыслом — и его придерживается большинство исследователей творчества Аристотеля — это интерпретация «мета» как нечто «сверх», «в основе» физики, а значит всего мироздания. Иначе говоря, метафизика — это «первая философия», физика — «вторая философия», а замыкает круг теоретических наук — математика.

Согласно Стагириту, «первая философия» (в послеаристотелевской традиции — «метафизика») изучает начала и причины всего сущего, сверхчувственные, вечные и неподвижные сущности, а чувственное, подвижное и изменчивое изучает физика. Метафизика — это «божественная наука», в сравнении с которой, согласно Аристотелю, другие науки представляются более необходимыми, но «лучше нет ни одной».

Далее Аристотель конкретизирует свое понимание «первой философии» в хорошо известной теории четырех первопричин бытия — материальной, формальной, движительной, энтелехиальной. Здесь важно подчеркнуть, что в дальнейшем метафизика ассоциируется не вообще со всем корпусом философского знания, а лишь с определенной его частью, касающейся исходных, сущностных принципов мироздания, включая и бытие человека.

¹ Чанышев А.Н. Курс лекций по древней философии. М.: Высшая школа, 1981. С. 285.

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ (проект № 12-03-00241)

Размышлять об этих принципах начали еще первые натурфилософы Древней Греции, начиная с Фалеса. По мере возрастания степени абстрактности данных принципов формировались основные исследовательские программы, которые будут выделены далее, сыгравшие важную роль не только в становлении науки античности, но и в формировании классической науки XVII-XVIII вв.

Эвристическую функцию метафизики в немецкой классической философии наиболее точно выразил И. Кант. Хотя метафизика, по его мнению, не является наукой в том смысле, в каком являются физика и математика, однако она выражает неотъемлемое свойство разума, его попытки выйти за сферы трансцендентального в сферу трансцендентного (от феноменов к ноуменам), хотя это и ведет к известным антиномиям. Кант пишет: «Метафизика существует если не как наука, то, во всяком случае, как природная склонность (*metaphysica naturalis*). В самом деле, человеческий разум в силу собственной потребности, а вовсе не побуждаемый одной только суетностью всезнания, неудержимо доходит до таких вопросов, на которые не может дать ответ никакое опытное применение...»². Говоря иначе, это метафизическое свойство разума есть «неистребимая потребность» человека.

Гегель создаёт грандиозную метафизическую систему, где главенствует Абсолют, понимаемый как некое божественное начало мироздания, объективная истина и высшая ценность бытия.

Философия диалектического материализма, синтезируя материализм французских просветителей Дидро, Гельвеция, Ламетри, Гольбаха и идеалистическую диалектику Гегеля, разрабатывает диалектико-материалистическую онтологию, в центре которой лежит учение о материи, её атрибутах и формах движения.

«Сейчас модно критиковать диалектический материализм, — справедливо пишут А.В. Иванов и В.В. Миронов, — но если внимательно проанализировать его концепции, то можно заметить, что для многих его представителей идеология выступала, лишь вынужденной ширмой, за которой билась живая и сильная метафизическая мысль, чутко реагирующая на все изменения мировой философской мысли»³.

Известный отечественный философ В.С. Соловьёв подчёркивал: «Ошибочно противопоставление

метафизики как знания чисто умозрительного положительной науке как знанию чисто опытному. Действительность, с которой имеет дело наука, есть умственное построение, невидимое и не подлежащее никакому восприятию. Положительная наука неизбежно становится на тот путь сверхчувственного, умозрительного построения вселенной, по которому метафизика пытается идти далее до конца»⁴.

Можно вполне согласиться с современным исследователем Т.Л. Гусевой, которая пишет: «Предметную область метафизики составляют вопросы столь предельно общие и сущностно важные для осмысления мира и человека в нём, что в практике великих мыслителей — Платона, Аристотеля, Лейбница, Гегеля, Канта метафизические представления играли важнейшую роль в развитии человеческой мысли. Тем самым была предопределена история эволюции метафизики как дисциплины»⁵.

В моём понимании метафизика — это ядро, в котором синтезированы креативы-эйдосы научных исследований природы и человека. Метафизические принципы и программы являются исходными для познавательной деятельности и всех форм социокультурной деятельности. В этом смысле метафизика есть предельно общая теория творчества вообще, иначе говоря, — метафизика креативности⁶.

Однако исторически термин «метафизика» был связан, прежде всего, с понятием «онтология» — от сочетания древнегреческих слов «онто» (сущее) и «логос» (знание), то есть знание о сущем, обозначает «знание о сущем». Как известно, ещё Парменид ввёл в философию категорию «бытие», выражающую предельную степень общности мироздания, его идеальную сущность. Бытие не является каким-либо физическим элементом, оно вечно, неделимо и неподвижно. Небытие нельзя мыслить по определению, а всё, что можно мыслить, каким-то образом, следовательно, существует. Таким образом, согласно философу, мышление и бытие тождественны.

Данное значение категории «бытия» сохраняется до сих пор, и онтология в основном понима-

² Кант И. Критика чистого разума. М., 1994. С. 42.

³ Иванов А.В., Миронов В.В. Университетские лекции по метафизике. М.: Современные тетради, 2004. С. 308.

⁴ Соловьёв В.С. Метафизика // Философский словарь Владимира Соловьёва. Ростов-н/Д: Феникс, 1997. С. 280.

⁵ Гусева Т.Л. Очерк истории метафизики: от Платона до докритического Канта // Философия науки. 2010. № 4 (47). С. 150.

⁶ Яковлев В.А. Метафизика креативности // Вопросы философии. 2010. № 6. С. 44-54.

ется как учение о предельных, фундаментальных структурах бытия. На анализе этих структур концентрируется внимание международных конгрессов по онтологии

Онтология Парменида оказала большое влияние на Гегеля, который оценил учение великого древнегреческого мыслителя как начало собственно теоретической философии — метафизики. Так, диалектика трансцендентального отчётливо прослеживается в «Пармениде» Платона. В споре Сократа с Парменидом все онтологические сущности рассматриваются как единство противоположных начал бытия и небытия, движения и покоя. Само единство становится условием перехода от небытия к бытию и от покоя к движению. Единое также определяет другие ипостаси сущего. В частности, из него следуют категории «есть» и «бытие». Платон в предельно абстрактной форме заключает, что «...должно существовать бытие единого, не тождественное с единым, ибо иначе это бытие не было бы бытием единого и единое не было бы причастно ему, но было бы всё равно что сказать «единое существует» или «единое едино»⁷.

В то же время теория так называемого панлогизма остро критиковалась философами-материалистами и учёными. В свою очередь, известный английский мыслитель Б. Рассел также очень высоко оценивал «феномен Парменида», хотя и в негативной форме, считая, что именно с этого момента начинается метафизика в ее отрицательном значении.

В других философских традициях учение о бытии, хотя и включает в себя рефлексию над природным бытием, тем не менее, не сводимо только к нему⁸.

О бытии человека первыми в Античности стали размышлять софисты. Софистов не интересовал поиск истины как таковой. Целевая установка была вполне прагматичной — научить одерживать верх в судебных спорах и тяжбах, уметь отстаивать свои интересы в социальных дебатах, неизбежных в условиях полисной демократии. Метод эристики софистов — это одновременно «искусство убеждать» и «наука побеждать» оппонентов, своевременно, правильно оценивая уровень их мышления, степень учёности, образованности, аудиторию и конкретную ситуацию.

Исходя из предпосылки, что так называемые государственные законы являются всего лишь навязываемыми установлениями с помощью силы и обмана одних групп людей над другими, софисты последовательно отрицали наличие каких-либо объективных критериев справедливости и нравственности, а добро и благо соизмеряли с максимальным достижением личностной выгоды. По свидетельству Платона, Фразимах, один из младших софистов, говорил: «...справедливым я называю не что иное, как полезное сильнейшему... Всякая власть даёт законы, сообразно с её пользою... Дав же законы, полезные для себя, она объявляет их справедливыми для подданных и нарушителя этих законов наказывает как незаконника и противника правде... Во всех городах справедливое одно и то же: это — польза поставленной власти...»⁹.

В качестве одной из форм социального управления людьми некоторые софисты рассматривали и религию. Так, Критий, ученик старших софистов и один из известных «тридцати тиранов» был, фактически, атеистом, поскольку не признавал реального существования традиционных богов Афин. В то же время именно он, на много веков опережая Вольтера, оправдывал социальную полезность религии, утверждая, что «...древние законодатели сочинили бога в качестве некоторого надсмотрщика за хорошими поступками и за прегрешениями людей...»¹⁰. Религия нужна, по его мнению, потому, что люди — богатые и бедные — боятся наказания от богов, а страх, в свою очередь, обеспечивает стабильность и порядок в обществе. Софисты Антифонт и Алкидам, развивая идею договорного устройства системы законодательства и власти, выдвинули креативы свободы и равенства всех живущих людей. При этом они использовали аргумент «от Бога» — свобода дарована каждому свыше и навеки, а также аргумент «от субъективности» — предписания социальных законов произвольны (искусственны) в отличие от необходимых законов природы.

Анализ бытия человека как совокупности его морально-нравственных акциденций прослеживается во многих диалогах Сократа. Так, в «Лакхете» обсуждение проблемы мужества развивается в сторону всё более концептуального обобщения этого человеческого качества и приводит к такому мета-

⁷ Платон. Соч. в 3-х т. Т. 2. М., 1970. С. 429.

⁸ См.: Доброхотов А.Л. Категория бытия в классической западно-европейской традиции. М., 1986.

⁹ Антология мировой философии: в 4-х т. Т. 1. Ч. 1. М., 1969. С. 319.

¹⁰ Секст-Эмпирик. Соч.: в 2-х т. Т. 1. М., 1975. С. 253.

физическому креативу: «мужество — это некая стойкость души, ...стойкость, сопряжённая с разумом»¹¹. В итоге собеседники делают методологически важный вывод о принципиальной недостаточности частных, основанных на отдельных примерах, определений мужества. Необходимо постоянно расширять поле исследований, поскольку мужество «...является не только наукой о том, что опасно и что безопасно, но и наукой едва ли не обо всём добре и зле во всех их проявлениях»¹². Понимаемая таким образом наука — это бесконечный процесс познания, где поиск истины ведёт к открытию новых проблем и переосмыслению уже известных.

В приведённом отрывке также хорошо прослеживается сократовский креатив неразрывной взаимосвязи познания и морали. «Эпистеме» интересует Сократа не само по себе, а всегда в сопряжении с возможностью нравственного совершенствования человека. Он, в отличие от софистов, считает, что моральные нормы носят объективный характер, а различие между добром и злом абсолютно. Вот почему, согласно Сократу, просвещать людей — это значит делать их добродетельными (с чем в XVIII в. категорически не согласится И. Кант, а Ф. Ницше из-за этого посчитает Сократа своим личным врагом). Познание самого себя, в конечном счёте, есть, прежде всего, познание в себе общечеловеческих нравственных качеств и стремление к их совершенствованию через познание окружающего мира, что Сократ и стремился доказывать всем своим образом жизни.

В философии Платона наряду с метафизикой космического бытия, представленного как «царство идей («эйдосов»), большое внимание придаётся и бытию человека. Для совершенного Космоса нужен и совершенный человек. Как справедливо пишет А.Ф. Лосев, «...вся эта детальнейшим образом разработанная космология... является только идеальным образцом для теории идеального человека»¹³.

Богатейшее воображение Платона даёт ему возможность объяснить с позиции целесообразности практически все органы человеческого тела, специфику их функционирования и метафизические причины людских болезней. Поскольку человеческое существо, как и всё в мире, состоит из треугольников, то их сцепление-соединение, длящееся лишь определённое время, и обуслови-

вает, в конечном счёте, срок человеческой жизни. Болезни, ухудшающие качество бытия человека, надо стремиться предотвращать и не злоупотреблять лекарствами. «Следовательно, — делает вывод Платон, — лучше руководить недугом с помощью упорядоченного образа жизни, насколько это позволяют нам обстоятельства...»¹⁴.

В XX в. категория «бытия» разрабатывается в различных философских концепциях¹⁵. Наиболее оригинальной и всесторонне представленной является метафизика М. Хайдеггера. Ядро этой метафизики — идея фундаментальной онтологии. Философ пишет: «Раскрытие бытийной конституции вот (здесь)-бытия есть онтология. Поскольку в ней должна быть заложена основа возможности метафизики, — фундамент которой суть конечность вот (здесь)-бытия, — она называется **фундаментальной онтологией**»¹⁶.

В настоящее время метафизические исследования развиваются по трём взаимосвязанным программам — религиозной, естественнонаучной и философской.

Первая программа была заложена ещё в эпоху Средневековья и сыграла определённую позитивную роль в становлении науки Нового времени¹⁷. В наши дни теологи Папской академии наук регулярно проводят специальные тематические конгрессы, посвящённые проблемам метафизики. Автор данной работы непосредственно участвовал в работе I Конгресса «Метафизика третьего тысячелетия» (Рим, 2000 г.) и III Конгресса «Метафизика. Культура. Наука» (Рим, 2006 г.).

В выступлениях участников конгрессов и подготовленных печатных материалах метафизика, в отличие от традиционного, идущего от Античности понимания её как теории о сущностных онтологических причинах бытия, переосмысливалась в качестве связующего звена между наукой, философией и религией. Предлагалось рассматривать метафизику в плане фундаментальной метатеории, лежащей в основании всех частей философского знания, базовых научных концепций и мировых религий.

¹⁴ Там же. С. 497.

¹⁵ См.: Губин В.Д. Проблема бытия в современной европейской философии. М., 1988.

¹⁶ Хайдеггер М. Метафизика вот-бытия как фундаментальная онтология // Мартин Хайдеггер и философия XX века. Минск, 1997. С. 190.

¹⁷ Яковлев В.А. Христианская метафизика и генезис классической науки // Философия и культура. 2011. №. 6 (42). С. 142-150.

¹¹ Платон. Соч.: в 4-х т. Т. 4. М., 1990. С. 283.

¹² Там же. С. 293.

¹³ Платон. Собр. соч.: в 4-х т. Т. 3. М., 1990. С. 605.

Содержательно теологи, в целом, трактовали метафизику как совокупность определённых трансцендентальных (априорных) идей, тождественных в своей целостности идее Бога. Причём, личностное, антропоморфное божественное начало, как бы, отходило на второй план.

При этом анализировались известные философские направления. В частности, феноменология и позитивизм критиковались за то, что их разработчики считают невозможным в принципе проникнуть в сущность чего-либо, а значит, отрицают понятие сущности как пустое и бесполезное, полагая, что наука должна довольствоваться только установлением связей между явлениями. Экзистенциализм Хайдеггера, Сартра, Камю не устраивал католических теологов в связи с преимущественной ориентацией онтологии на проблематику человека как его «бытия к смерти». Материализм, начиная с Демокрита и Эпикура, далее, французских материалистов-просветителей и марксистской философии, представлялся крайне неполноценным учением, ввиду стремления объяснить всё и вся, исходя только из человеческого опыта и социальной практики.

В гносеологическом плане критиковался современный релятивизм, отстаивающий постулаты методологии принципиального плюрализма научных теорий и их интерпретаций. Это направление философии науки появилось в связи с новейшими открытиями в естествознании, поставившими под сомнение многие истины классической науки. В целом, утверждалось, что наука как одна из сфер культуры без метафизики теряет смысл и ценностные гуманистические ориентиры.

Этический вектор современной цивилизации, с точки зрения католических теологов, утрачивая христианскую метафизическую основу, всё более определяется не духовностью, а прагматикой, меркантильностью, эгоизмом, что особенно отчётливо выражается в философии постмодернизма, вообще отрицающего наличие каких-либо объективных человеческих ценностей.

Важнейшей особенностью метафизики католицизма является попытка осмысления так называемого мистического опыта. Мистицизм имеет длительную историю. Это — важнейшая составляющая учений даосизма и кабалы, средневековых философов Б. Клервосского, М. Экхарта, Я. Бёме, а также Р. Штайдера, В.С. Соловьёва, матери Терезы, известного индийского мистика Ошо и др.

Как утверждал профессор Т. Кац, мистический опыт не может быть лишь эмоционально-

чувственным. Он всегда должен и может быть концептуально выражен, так как индивид общается посредством речи, то есть логоса, другим людям, что он испытал нечто необычное и взволновавшее его. Однако степень рационализации мистического опыта и его экстраполяции пока не определены. Т. Кац считает, что «мистический опыт постоянно присутствует и транслируется в культуре. Уловить этот опыт возможно... с помощью техники медитации, поскольку опыт медитации тоже транслируется в культуре многих народов»¹⁸. Некоторые теологи утверждают, что каждый человек испытывает так или иначе мистический опыт, когда в раннем возрасте бессознательно овладевает родным языком, не зная ни его морфологии, ни синтаксиса.

Однако, в целом, современная католическая метафизика стремится рационализировать мистический опыт, считая, что он «возможен тогда и только тогда, когда у человека уже есть представление о трансцендентальном»¹⁹.

Профессор Д. Мюррей подчеркнул, что «мистическая теология изучает трансформацию человека через его причастность к божественному. Но для этого нужен новый язык, сопрягающий мистическое и рациональное. Уже известны феномены этого сопряжения — самоотчёты пациентов о жизни после смерти (мистический опыт клинической смерти)»²⁰.

Президент III Конгресса «Метафизика, культура, наука» А. Фернандес также утверждал, что «такие трансцендентальные события, как любовь, надежда, крещение и другие церковные таинства всегда трактовались как свидетельство того, что люди в своей жизни, так или иначе, испытывают мистический опыт»²¹.

Сам спектр тем свидетельствует о том, что метафизика понимается как способ выражения предельной реальности каждой сферы культуры. В определённом смысле это — современная концепция Абсолюта, к построению которой человечество постоянно стремилось и стремится в ходе исторического развития.

¹⁸ Суркова Л.В., Яковлев В.А. Метафизика в Ватикане // Метафизика. Век XXI. Альманах. Выпуск 2: сборник статей / под ред. Ю.С. Владимирова. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний. 2007. С. 144.

¹⁹ Там же. С. 146.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

Профессиональный физик и богослов, секретарь учёного совета Санкт-Петербургских Духовных Академий и Семинарии, настоятель храма св. Ап. Петра и Павла при Санкт-Петербургском государственном университете К. Копейкин, исходя из христианской метафизической традиции представления мира как логосной реальности, делает акцент на ценностном значении в натур-теологии Запада категории «света» — *фундаментальной субстанции тварного существа*.

И. Копейкин анализирует учение средневекового мыслителя, оксфордского профессора францисканца Роберта Гроссетеста, епископа Линкольнского, который отводил свету главную роль в процессе творения мира, а также рассматривал свет как *субстанцию понимающего ума*. Будучи по образованию физиком, И. Копейкин проводит довольно смелые параллели этой субстанции с фундаментальным значением света как потока фотонов, имеющих незыблемую константу скорости в теории относительности А. Эйнштейна. «Таким образом, — заключает автор, — теория относительности свидетельствует, по существу, о том же, о чём говорил когда-то Гроссетест: свет есть начало воспринимаемой нами телесности, понимаемой как способ отношения одной части мира к другой»²².

Кроме того, богослов делает особый акцент на единой метафизической системе науки и религии, в рамках которой и должны обсуждаться многие важные вопросы взаимосвязи Бога, человека и природы. Добавим, что таинства литургии и возвышенность церковно-славянского языка всегда сохраняли определённый мистический характер православной ветви христианства.

Поскольку наука постоянно находится в развитии, постольку необходимым является её непрерывающийся диалог с христианской религией. Согласно убеждению многих современных известных учёных, научное исследование есть проявление любви к Богу и служения Ему.

Об этом свидетельствует тот факт, что в последние 10-15 лет отмечается существенное расширение сферы исследований по метафизике бытия со стороны учёных²³. Ставится вопрос о введении и осмыслении таких новых понятий, как «транс-

цендентальная физика» и «экспериментальная метафизика»²⁴. О новой онтологии говорят в связи с исследованиями происхождения Мультиверса (Метагалактики) и «нашей» Вселенной (теория Большого взрыва, теория струн и др.), а также телеологичности развития Вселенной (антропный принцип). Исследователи С.Н. Жаров и Н.А. Мещеряков, анализируя теории физиков и космологов С. Вайнберга, Д. Гросса, А.Д. Линде заключают: «Современная космология сдвигает классически понятия границы между физикой и метафизикой, что свидетельствует о смысловом переплетении физического и метафизического в космологическом дискурсе»²⁵.

Революционные открытия в физике космоса требуют переосмысления метафизического понимания физической реальности, то есть бытия природы. Анализ известных космологических теорий (А.А. Фридмана, А. Эддингтона, Дж. Джинса, Р. Пенроуза, Б. Грина, С. Хокинга и др.) показывает, что вполне правомерна позиция признания физического объективного бытия не самого по себе, а как формы его проявления в познавательных ситуациях на экспериментально-наблюдательной основе соответствующих фундаментальных теорий.

В учениях о жизни — бытии живой природы — можно выделить, по крайней мере, пять пользующихся в той или иной степени метафизических предположений о возникновении жизни, разрабатываемых как теологами, так и учёными: 1) креационизм (жизнь была создана Богом); 2) гипотеза извечности органической материи (жизнь существовала всегда); 3) гипотеза самозарождения (самопроизвольного зарождения, возникновение жизни из неживого вещества); 4) биохимическая гипотеза (возникновение жизни в условиях Земли детерминировано физическими и химическими законами, то есть обусловлено биохимической эволюцией); 5) гипотеза о микро- и макро-этапах эволюции, ведущей к появлению живых организмов.

Кроме того, в теориях жизни необходимо отметить увеличение числа метафизических гипотез, идущих вразрез с, казалось бы, незыблемой

²² Копейкин К. Богословский и естественнонаучный взгляд на онтологическую природу мироздания // *Метафизика*. 2011. № 1. С. 131.

²³ См.: *Метафизика*. Век XXI. Альманах. Выпуск 2: сборник статей / под ред. Ю.С. Владимировой. М.: Бином, 2007.

²⁴ См.: Панченко А.И. Физическая реальность: трансцендентальная физика или экспериментальная метафизика? // *Философский журнал*. 2008. № 1. С. 68-76.

²⁵ *Современная космология: философские горизонты* / под ред. В.В. Казютинского. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2011. С. 125.

синтетической теорией эволюции. Это — гипотезы телеологического (энтелехиального) типа, диспозиционной заданности, или телеономичности химико-биологических процессов, лежащих, как представляется, в основе генезиса и развития живых организмов. С помощью данных гипотез пытаются объяснить направленную ускоренную цефализацию (неономогенез), опережающую, в целом, морфологические изменения и дающую возможность в кратчайшее время выйти на уровень разумной жизни (В.И. Вернадский о так называемом «принципе Дана», Л. Берг, Р. Том, Лима-де-Фариа, А.А. Любищев, С.Д. Хайтун и др.).

С точки зрения известного физика А.П. Ефремова, чтобы понять бытие человека через его сущностное качество — сознание, — необходимо расширить понятие объективной реальности. В метафизическом плане, с точки зрения учёного, имеет смысл говорить об объективности математических структур и отношений, то есть о независимости математики от человека. Человек лишь открывает эти структуры, но не создаёт их. А.П. Ефремов пишет: «Человеческое сознание можно рассматривать как вид прибора для обработки информации: её получения, хранения передачи. Но, в отличие от технических устройств, человек способен также осмысливать полученную им информацию (реализовывать функцию понимания), а также создавать новую информацию»²⁶.

Однако если человеческие пять чувств получают из внешней среды «неоцифрованные» сигналы и поэтому как физические приборы оказываются очень неточными, то при математическом способе передачи информация в принципе не искажается, если, конечно, не допускаются математические ошибки. Сознание в таком случае, как своего рода антенна, настраивается на «прямой» приём и передачу информации.

Аналогично, с метафизических позиций подходит к рассмотрению природы физико-математического знания Ю.И. Кулаков. Он полагает, что в математике и физике можно выделить так называемые сакральные структуры бытия, которые относятся как к природе, так и человеку. «Дело в том, — пишет Ю.И. Кулаков, — что наряду с макромиром и с невидимым микромиром существует не менее важный для нас, — еще один невидимый мир — Мир Высшей реальности. О не-

обычной физике этого Мира и идет речь в Теории физических структур»²⁷.

Глубокий анализ влияние метафизических программ на развитие физики проводится физиком-теоретиком Ю.С. Владимировым²⁸. Учёный даёт сравнительный анализ физических теорий и программ на основе метафизического принципа фрактальности. Он считает, что «метафизику следует рассматривать как иерархию из 8 метафизических парадигм: (редукционистской) триалистической, трёх пар дуалистических и одной монистической (холистической), которые представляют собой взгляд на единое мироздание под разными углами зрения»²⁹.

Для этого важно исходить из того, что метафизика выражает наиболее абстрактную форму рефлексии над проблемами бытия, познания, морали и праксиса. Она является сердцевинной (ядром) философского знания и любого другого знания. «С самого своего возникновения в философии, — справедливо пишут А.В. Иванов и В.В. Миронов, — наличествует некое прочное центральное ядро, как бы сердце философии»³⁰. С точки зрения авторов, термин «метафизика» не следует отождествлять с термином «философия». Более правильно придерживаться ставшего классическим представления о метафизике как философской теории исследующей предельные основания бытия или первоосновы всего сущего.

При таком понимании метафизика выступает как фундаментальное основание философии в целом, её сущностная структура. Вся дифференциация философских дисциплин резонно считает В.В. Миронов «реализуется лишь внутри общего метафизического пространства, ибо в той или иной степени любая конкретная философская дисциплина (от эстетики до философии религии) представляет собой ту или иную конкретизацию общих метафизических ракурсов исследования (онтологического, гносеологического и аксиологического), а также сложившихся в истории философии фундаментальных мета-

²⁷ Кулаков Ю.И. Теория физических структур – математическое основание фундаментальной физики // Метафизика. Век XXI. М.: Бином, 2006. С. 135.

²⁸ См.: Владимиров Ю.С. Метафизика. М.: Бином, 2002.

²⁹ Владимиров Ю.С. Предисловие редактора // Метафизика. Век XXI. М.: Бином, 2006. С. 5.

³⁰ Иванов А.В., Миронов В.В. Университетские лекции по метафизике. М.: Современные тетради, 2004. С. 50-51.

²⁶ Ефремов А.П. Вселенная в себе и пути познания // Метафизика. 2011. № 4. С. 112-113.

физических (или философско-теоретических) ходов мысли»³¹.

Метафизика, иначе говоря, должна выполнять роль бойскаута, стремясь преодолеть границы познанного и заглянуть в ещё неведомое. Наряду с вышесказанным, можно отметить также два важных аспекта эвристической роли метафизики для развития естествознания. Первый состоит в том, что именно в рамках различных метафизических программ Древней Греции были проработаны важнейшие понятия, составившие ядро науки Нового времени.

В отечественной философии науки этот аспект довольно полно исследован В.С. Стёпиным, хотя он в своё время ещё не делал различия между «метафизикой» и «философией». «Сопоставление истории философии и истории естествознания, — пишет В.С. Стёпин, — позволяет констатировать, что философия обладает определёнными прогностическими возможностями по отношению к естественнонаучному поиску, поскольку она способна заранее вырабатывать необходимые для него категориальные структуры»³².

В западной философии науки данный аспект вопроса о креативной функции метафизики всесторонне исследовал автор так называемой «исторической эпистемологии» М. Вартофский. Он показал, что «понятия материи, движения, силы, поля, элементарной частицы и концептуальные структуры атомизма, механицизма, прерывности и непрерывности эволюции, неизменности в изменении, пространства, времени, причинности... первоначально имели метафизическую природу и оказали громадное влияние на важнейшие построения науки и на ее теоретические понятия»³³.

Второй аспект, также проанализированный М. Вартофским, заключается в латентном креативном влиянии на теоретическую деятельность ученых фундаментальных структур метафизических концепций, формирующих в своей совокупности исходное представление о научной рациональности. «История альтернативных метафизических

систем, — согласно М.Вартофскому, — представит... как богатейшее наследие теорий структуры, в которых в наиболее общей форме выражены существенные черты теоретического построения знания»³⁴. На примере хорошо разработанных систем метафизики ученые обучаются приемам систематизации материала, референции, абстрагирования и идеализации, что является необходимым для их профессиональной работы.

Однако, на мой взгляд, для того, чтобы всесторонне осмыслить и понять креативную (эвристическую) функцию метафизик, необходимо, прежде всего, глубокое историко-философское исследование, то есть исходная, базисная программа, относительно автономная и вместе с тем взаимосвязанная с теологической и естественнонаучными программами.

Историко-философская программа должна показать креативную функцию наиболее плодотворных метафизических принципов, или эйдосов для развития науки и культуры в целом. Данные принципы успешных исследовательских программ, доказывающих свою эффективность на протяжении длительного времени я называю *креативами*.

Открытие исходных метафизических принципов мироздания — это проявление и результат креативной функции трансцендентального субъекта. С одной стороны, такие принципы выступают как продукт имманентной креативности универсума, а с другой, — сами становятся креативами (исходными импульсами) развития человеческого духа и культуры (так называемая «филиация идей»). Искусственно сконструированные принципы, так же как и гипотезы *ad hoc* в науке, могут играть определённую положительную роль, но, в конечном счёте, оказываются лишь переходным звеном к фундаментальным принципам устройства природы и человеческой деятельности.

Ретроспективно, с позиций современной науки, на мой взгляд, эвристически значимыми выступают семь бинарных взаимодополнительных исследовательских программ Античности, базирующиеся на метафизических принципах бытия как природы, так и человека.

1. Программы, основанные на поиске первоначала («архе») мироздания: в основе мира лежит материальное первоначало (большинство досократиков); VS в основе мира находится нечто идеальное (пифагорейцы, Платон, неоплатоники). Компромиссный вариант — материаль-

³¹ Миронов В.В. Становление и смысл философии как метафизики // Метафизика. Век XXI. Альманах. Вып. 2. М.: Бино, 2007. С. 40.

³² Стёпин В.С. О прогностической природе философского знания: Философия и наука // Вопросы философии. 1986. № 4. С. 42.

³³ Вартофский М. Эвристическая роль метафизики в науке // Структура и развитие науки. М., 1978. С. 63.

³⁴ Там же. С. 84.

- ное и идеальное как неразрывное единство и основа мироздания (Аристотель, стоики).
2. Программы, опирающиеся на постулирование принципа структурности: мир изначально дискретен (Демокрит, Эпикур, Платон); VS «природа не терпит пустоты» (элеаты, Аристотель, стоики). Компромиссный вариант — мир и дискретен, и континуален (Анаксагор, неоплатоника).
  3. Программы взаимодействия и взаимосвязи всех составляющих мироздания: элементы мира могут взаимодействовать между собой, не входя в прямое соприкосновение (дальнодействие атомов под влиянием силы тяжести (Демокрит, Эпикур); VS «пневма заполняет мир, как мед соты» (передача импульса от точки к точке (стоики, Аристотель). Компромиссный вариант — взаимодействие макро- и микрокосмоса происходит одновременно через перманентную эманацию Единого и порождаемые им дискретные структуры Мирового Ума и Мировой Души — неоплатоники).
  4. Программы, в основе которых лежит метафизический принцип движения: «всё, что движется, движется чем-то»; перводвигатель должен иметь нематериальную природу (Платон, Аристотель); VS движение есть естественный атрибут самого мира (Гераклит, Демокрит, Эпикур). Компромиссный вариант — движение существует лишь в мире явлений. Истинное бытие неподвижно, неизменно и вечно (элеаты).
  5. Программы, исходящие из принципа причинности: «люди измыслили случай». Мир — это совокупность однозначных причинно-следственных связей (Гераклит, стоики, Демокрит); VS спонтанность и вероятность лежат в фундаменте мироздания (Эпикур, Л.Кар). Компромиссный вариант — первоимпульс имеет вероятностный (божественный) характер, а дальше мир развивается по объективным законам (Аристотель).
  6. Программы, рассматривающие космоустройство: космос устроен целесообразно и гармонично. Земля — в центре мироздания (Эмпедокл, Платон, Пифагор, Аристотель); VS планета Земля не находится в центре мироздания. Может существовать множество миров (Демокрит, Эпикур). Компромиссный вариант — Земля не является центром космоса, но космос гармоничен (Филолай).
  7. Программы, связанные с метафизическим пониманием природы времени: время как

иллюзия чувств, человека, «тень», «подобие вечности» (элеаты, Платон); VS время — объективная сущность, «поток», длительность, связанная с движением (Гераклит, Аристотель). Промежуточная версия — время циклично и «Платон снова будет разговаривать с Аристотелем» (стоики).

Итак, хотя и довольно схематично, но намечена реконструкция основных мировоззренческих исследовательских программы Античности, базирующихся на неизменных, актуальных и по сегодняшний день, метафизических принципах. Соглашаясь с известным философом И.Лакатосом, что количество исходных программ в каждой науке носит ограниченный характер, можно выдвинуть дополнительный тезис об исходном наборе открытых древними греками априорных (трансцендентальных) принципов, задавших, в целом, креативный (эвристический) импульс для последующих конкретно-научных исследований проблем мироздания.

Отметим, что некоторые из указанных программ в свете развития современной квантовой физики анализировал в своём докладе на последнем VI российском философском конгрессе «Философия в современном мире: диалог мировоззрений» (Нижний Новгород, 2012) известный профессор Независимого университета Барселона, исполнительный координатор Онтологического конгресса (г. Барселона, Испания) Гомез-Пин Виктор.

В заключение подчеркнём, что в данной работе предлагается существенно расширить понятие метафизики. Я полагаю, что *любые принципы в любой науке*, а тем более философские принципы, являются метафизическими. Принципы не обосновываются, поскольку само обоснование, в свою очередь, потребовало бы соответствующего обоснования и т.д., что ведёт к «порочному кругу», или «дурной бесконечности». Принципы принимаются по определению, а об их жизнеспособности и плодотворности судят по тем исследовательским программам, которые обладают «позитивными эвристическими» (Лакатос).

Ту или иную оценку постулируемых принципов, очевидно, можно дать только ретроспективно, что, впрочем, характерно и для научных гипотез и даже математических структур. Если принципы носят креативный, эвристический характер, то их, в итоге, можно назвать для краткости и выразительности креативами.

В концептуальном плане, таким образом, будем понимать под креативом заключительную стадию творческого процесса, когда сгенерирован-

ная каким-то индивидом или небольшой группой новая идея (новация), попав в резонанс с культурно-историческими условиями среды, принимается как открытие (инновация) сообществом профессионалов и оказывает в дальнейшем позитивное воздействие на развитие тех или иных направлений науки и сфер социокультурной деятельности. Но, подчеркнём, — принципы-креативы всегда первичны по отношению к любому рода законам, структурам и теориям. Иначе говоря, эти принципы-креативы носят метафизический, априорный, трансцендентальный характер.

Наряду с расширением понятия метафизики предложим также гипотезу — бытие природы и бытие человека имеет смысл объединить в едином бытии, которое в свете новейших достижений естествознания можно обозначить как информационное бытие («информационное поле»). Мироздание, включая человека и созданную им культуру едино в своей информационной сущности. Однако обоснование и развитие этой гипотезы, процедуры её верификации и возможной фальсификации, естественно, требуют отдельного исследования.

Список литературы:

1. Вартофский М. Эвристическая роль метафизики в науке // Структура и развитие науки. М., 1978.
2. Губин В.Д. Проблема бытия в современной европейской философии. М., 1988.
3. Доброхотов А.Л. Категория бытия в классической западно-европейской традиции. М., 1986.
4. Иванов А.В., Миронов В.В. Университетские лекции по метафизике. М.: Современные тетради, 2004.
5. Кырлежев А.И. Взаимоотношение концепции прав человека и религиозных ценностей // Церковь и Время. Научно-богословский и церковно-общественный журнал. 2006. № 4 (37).
6. Миронов В.В. Становление и смысл философии как метафизики // Метафизика. Век XXI. Альманах. Выпуск 2. М.: Бином, 2007.
7. Стёпин В.С. О прогностической природе философского знания: философия и наука // Вопросы философии. 1986. № 4.
8. Юбилейный Архиерейский Собор Русской Православной Церкви: Сб. докладов и документов. СПб, 2000.
9. Хайдеггер М. Метафизика вот-бытия как фундаментальная онтология // Мартин Хайдеггер и философия XX века. Минск, 1997.
10. Яковлев В.А. Метафизика креативности // Вопросы философии. 2010. № 6. С. 44-54.
11. Яковлев В.А. Сознание: информационно-синергетический подход // Философия и культура. 2011. № 10. С. 66-75.

References (transliteration):

1. Vartofskiy M. Evristicheskaya rol' metafiziki v nauke // Struktura i razvitie nauki. M., 1978.
2. Gubin V.D. Problema bytiya v sovremennoy evropeyskoy filosofii. M., 1988.
3. Dobrokhotoy A.L. Kategoriya bytiya v klassicheskoy zapadno-evropeyskoy traditsii. M., 1986.
4. Ivanov A.V., Mironov V.V. Universitetskie lektсии po metafizike. M.: Sovremennye tetradi, 2004.
5. Kyrlezhev A.I. Vzaimootnoshenie kontseptsii prav cheloveka i religioznykh tsennostey // Tserkov' i Vremya. Nauchno-bogoslovskiy i tserkovno-obshchestvennyy zhurnal. 2006. № 4 (37).
6. Mironov V.V. Stanovlenie i smysl filosofii kak metafiziki // Metafizika. Vek XXI. Al'manakh. Vypusk 2. M.: Binom, 2007.
7. Stepin V.S. O prognosticheskoy prirode filosofskogo znaniya: Filosofiya i nauka // Voprosy filosofii. 1986. № 4.
8. Yubileynyy Arkhiereyskiy Sobor Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi: Sb. dokladov i dokumentov. SPb, 2000.
9. Khaydegger M. Metafizika vot-bytiya kak fundamental'naya ontologiya // Martin Khaydegger i filosofiya XX veka. Minsk, 1997.
10. Yakovlev V.A. Metafizika kreativnosti // Voprosy filosofii. 2010. № 6. S. 44-54.
11. Yakovlev V.A. Soznanie: informatsionno-sinergeticheskiy podkhod // Filosofiya i kul'tura. 2011. № 10. S. 66-75.